

ДИСПЕТЧЕРСКАЯ

ПРАВИЛО 11

ИЛЬДАР ГРОМОВ

Ильдар Громов

Диспетчерская. Правило 11

«Автор»

2026

Громов И.

Диспетчерская. Правило 11 / И. Громов — «Автор», 2026

Четвёртая книга серии «Диспетчерская». История о том, что можно соблюдать правила всю жизнь — и не знать, чьи они. О том, что простить себя труднее, чем забыть. И о том, что иногда, чтобы вспомнить, нужно просто спуститься вниз. Николай Петрович прожил семьдесят восемь лет по правилам. Чай без сахара. Чашка — ручкой влево. В магазин — в одиннадцать. Но одно правило он не может забыть. И не может вспомнить. Та ночь. Проходная. Женщина. Она плакала. Просила. А он не пустил. Потому что после одиннадцати — нельзя. А потом в квартире появился гул. Из-под пола. Как будто кто-то дышал. Как будто кто-то ждал. И чашка, которую он всегда ставил на первую полку, оказалась на второй. Дверь в подвал открыта. Она всегда открыта для тех, кто уже был.

© Громов И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Правильно	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Диспетчерская. Правило 11

Глава 1. Правильно

Он проснулся в пять. Всегда в пять. Тело знало. Семьдесят восемь лет — и тело знало лучше головы.

Он лежал. Слушал.

В квартире было тихо. За окном — тоже. Двор ещё спал. Только дворник — таджик, имени он не знал, — уже шаркал метлой. Звук был ровный. Как метроном. Он слушал его каждое утро. Иногда думал: если дворник не выйдет, он всё равно услышит этот звук. В голове. Потому что привык. Привычка — это когда что-то становится частью тебя. Даже чужое. Даже звук чужой метлы.

Он встал. Сел на край кровати. Подождал, пока колено отпустит. Левое. Оно всегда отпускало не сразу. Потом надел халат. Халат был старый. Синенький. В заплатках на локтях. Он его не выбрасывал. Привык. Жена штопала. Давно. Он не помнил, когда именно. Помнил только, что нитки были серые, а халат синий, и она говорила: «Ну кто так штопает, Коля». А он говорил: «Нормально». И всё. Он всегда говорил «нормально». Когда не знал, что сказать. А он никогда не знал. Что сказать.

Прошёл на кухню. Поставил чайник. Взял чашку. Синюю. С трещиной на ручке. Он её не выбрасывал. Привык. Трещина была старая. Он не помнил, откуда она. Может, уронил. Может, жена. Может, всегда была.

Чай. Без сахара. Он никогда не пил с сахаром. Сахар — баловство. Так говорила мать. Он не помнил её лица. Помнил голос. И слово. Баловство. Оно осталось. Как всё остальное. Как всё, что не нужно. Но не выбросить.

Он сел за стол. Посмотрел в окно.

Двор. Пустой. Та же машина под фонарём. Чья-то. Он не знал, чья. Она стояла тут давно. Лет десять. Может, больше. Он не спрашивал. Иногда думал: если её уберут, он заметит. И расстроится. Хотя она не его. Как всё. Как всё, что не его. Но своё.

Он пил чай и слушал. Метлу. Часы. Своё дыхание. Оно было ровное. Как у человека, который делал зарядку. Он делал зарядку. Каждое утро. Сорок лет. Пока не сломал бедро. Теперь не делал. Просто сидел. Но дыхание осталось. Как будто тело помнило. Как будто оно знало. Что делать. Даже когда он забыл.

Он допил чай. Помыл чашку. Поставил на сушилку. Ручкой влево. Он всегда ставил ручкой влево. Жена говорила: «Почему влево?» Он говорил: «Так правильно». Она смеялась. Потом перестала спрашивать. Правильно — это слово. Оно было в нём. Всю жизнь. Как гвоздь. Как заноза. Как всё, что не вытащить.

Потом пошёл в комнату. Сел в кресло. Включил телевизор. Там что-то говорили. Он не слушал. Просто смотрел. На экране мелькали люди. Молодые. Красивые. Они что-то хотели. Он не понимал — что. Он давно не понимал. Хотеть — это тоже надо уметь. А он разучился. Как разучиваются танцевать. Или говорить на чужом языке. Сначала помнишь слова. Потом забываешь. Потом забываешь, что забыл.

В дверь позвонили.

Он вздрогнул. Не от звонка. От того, что **звонок был**. К нему никто не ходил. Уже давно. Он встал. Пошёл в коридор. Посмотрел на дверь. Потом на свои ноги. Потом — на дверь. Открыл.

На пороге стояла женщина. Молодая. Лет тридцати. В куртке. С сумкой. Она улыбалась. Улыбка была настоящая. Или он так думал. Он уже не различал. Как не различают лица. В толпе. Когда давно никого не ждёшь.

— Здравствуйте, — сказала она. — Я из управляющей компании. Мы проверяем счётчики.

Он посмотрел на неё. Потом — на её сумку. Потом — на её улыбку. Потом — на её ботинки. Они были мокрые. На улице, значит, сыро. Он не выходил. Не знал.

— Проходите, — сказал он.

Она прошла. Сняла обувь. Не спрашивая. Он заметил это. Он всегда замечал. Правильно — спросить. Но она не спросила. Молодая. Не научили. Он не сказал ничего. Просто пошёл за ней. Он давно не говорил. Даже когда надо. Даже когда правильно.

Она прошла на кухню. Посмотрела на счётчик. Записала. Потом — в комнату. Посмотрела. Записала. Задержалась у стены. Там, где фотография. Женщина. Молодая. В платье. Улыбается.

— У вас тут чисто, — сказала она.

— Я убираю, — сказал он.

— Видно.

Она посмотрела на кресло. На телевизор. На стол. На фотографию.

— Это жена? — спросила она.

Он посмотрел на фотографию. Потом на неё. Потом снова на фотографию.

— Была.

— А. Понятно.

Она не спросила больше. Записала. Закрыла папку.

— Всё. Спасибо.

Она пошла к двери. Он пошёл за ней. У двери она обернулась.

— А вы один живёте?

— Один.

— А дети?

— Есть.

— Звонят?

Он посмотрел на неё. Долго. Он не хотел врать. Но и правду говорить не хотел. Правда была тяжёлая. Он её носил. Каждый день. С самого утра. Как пальто. Которое не снять. Даже летом.

— Звонят, — сказал он.

Она кивнула. Улыбнулась. Вышла.

Он закрыл дверь. Постоял. Посмотрел на крючок. На нём висела его куртка. Одна. Потом пошёл на кухню. Сел. Посмотрел в окно.

Двор. Пустой. Та же машина. Чья-то.

Он сидел и думал: зачем он соврал? Дети не звонили. Уже год. Может, два. Он не помнил. Он не считал. Считать — это как признавать. А он не хотел. Признавать — это как считать. А он не умел. Уже давно. Может, никогда.

Он встал. Помыл чашку. Поставил на сушилку. Ручкой влево.

И пошёл в комнату. Смотреть телевизор. Там что-то говорили. Он не слушал.

Вечером он лёг. В девять. Всегда в девять. Тело знало.

Он лежал. Слушал. Метлу. Часы. Своё дыхание. Оно было ровное.

И потом — он не понял, как это случилось, — он услышал. Не метлу. Не часы. Другое. Как будто где-то — внизу — что-то гудело.

Он лежал и слушал. Долго. Гул был низкий. Ровный. Как будто под полом что-то работало. Или дышало. Как будто там, под полом, был кто-то. Кто дышал. Медленно. Ровно. Как он сам. Как все.

Он никогда не слышал этого раньше. Или слышал — но не замечал. Он не знал. Может, оно всегда там было. Может, он просто не слушал. Он давно не слушал. Только слышал. Как все. Как всегда.

Он лежал и слушал. Потом закрыл глаза. И уснул.

А утром, когда проснулся, первое, что он сделал, — прислушался.

Тишина.

Он встал. Пошёл на кухню. Поставил чайник. Взял чашку. Синюю. С трещиной.

И только тогда заметил, что чашка стоит не там.

Она стояла на второй полке.

А он всегда ставил на первую.

Он смотрел на неё долго. Потом взял. Поставил на первую. Ручкой влево. Но руки дрожали. Совсем чуть-чуть. Он этого не показал. Он никогда не показывал. Показывать — это как признавать. А он не хотел.

Он сел. Посмотрел в окно. Двор. Пустой. Та же машина. Чья-то.

И где-то внутри — не в ушах, глубже — всё ещё гудело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.